

Вэйиньсы не сводил глаз с неприметного глиняного сосуда в углу комнаты.

Внутри хранился особый товар, заказанный одним наёмником, специализировавшимся на грязной работе. Это был бесцветный и безвкусный состав: достаточно было лишь капли, чтобы в кратчайший срок лишить человека сил, затуманить его сознание и при этом многократно усилить чувственное восприятие.

Изначально Вэйиньсы приберег этот яд на случай встречи с особо проблемными клиентами, но он и представить не мог, что первым, на ком ему доведется испытать действие зелья, станет его собственный учитель.

Несмотря на то что Шань мастерски владел целительной магией, он был слишком самоуверен. Он даже не подозревал, что в душе Вэйиньсы зреет и стремительно разрастается безумный, мрачный замысел.

Вэйиньсы взгляделся в глаза Шаня, в которых по-прежнему читались замешательство и какое-то упрямое чувство, а затем перевел взгляд на уголки его губ, где застыла эта вечная, вызывающая тошноту улыбка. Улыбка самого Вэйиньсы стала еще холоднее.

— Учитель, — Вэйиньсы намеренно растянул слова, вложив в них едва уловимую насмешку, — раз уж вы пришли, попробуйте то, что есть у меня. Вино, которое можно отведать в этом торговом городе, совсем не похоже на лесные родники или те гнилые плоды, к которым вы привыкли.

Шань посмотрел на сложную, нечитаемую улыбку Вэйиньсы, помолчал мгновение, а затем слегка кивнул и отпустил его.

Он, казалось, совершенно не осознавал, что тот самый ребенок, которого он шесть лет искал по всем уголкам Священной земли, перевернув всё вверх дном, тот, кого он уже считал погибшим в пасти диких зверей, тот, ради кого он, убедившись в его живости, нарушил правила и покинул Священную землю, чтобы вновь взять под свою опеку, — этот человек уже выносил план мести, пропитанный ненавистью и искаженными чувствами.

И эта месть была обречена утянуть их обоих в бездну.

Вэйиньсы с трудом поднялся со стола. На этот раз Шань не стал его удерживать. Вэйиньсы потер ушибленное плечо, мысленно проклиная грубость учителя. Безумная улыбка на его лице погасла, сменившись ледяной маской.

— Ждите, — бросил он и направился к пыльному низкому шкафу в углу гостиной.

Шань молча стоял на месте, не двигаясь. Его взгляд был прикован к спине ученика, а в разноцветных глазах по-прежнему светилась глубокая нежность.

Внезапное смягчение Вэйиньсы не вызвало у него ни тени подозрения. Возможно, исходя из своего знания об ученике, он просто не видел причин сомневаться.

Это было не просто доверие, а уверенность в собственной силе, позволявшей справиться с любой ситуацией без угрозы для жизни. Он принял предложение Вэйиньсы так же естественно, как принимает солнечный свет и дождь в лесу.

Вэйиньсы открыл шкаф, где стояли бутылки с жидкостями разных цветов. Он наугад вытащил бутылку янтарного вина с добавлением кленового сиропа; этикетка на ней давно стерлась. Это вино он выменял у проезжего купца, говорят, оно было родом из какого-то человеческого королевства на севере — терпкое, с долгим послевкусием.

Вэйиньсы отлично держал удар, но сам алкоголь не жаловал; домашние запасы держал лишь для угощения друзей или в качестве ингредиентов.

Затем он достал из глубины шкафа два простых глиняных кубка без украшений. Прикрыв обзор Шаню своим телом, он украдкой потянулся к тому самому глиняному сосуду в углу.

Сосуд был невелик, зелья в нем оставалось меньше половины. Затаив дыхание, Вэйиньсы кончиком пальца зачерпнул немного жидкости и быстро размазал по внутренней стенке одного из кубков.

Зелье исчезло, едва коснувшись глины — ни цвета, ни запаха, никаких следов.

Сердце Вэйиньсы бешено заколотилось в груди — не от страха, а от болезненного возбуждения перед предстоящей местью.

Он глубоко вздохнул, стараясь подавить эмоции, и наполнил оба кубка янтарным вином. Жидкость звонко ударилась о стенки глиняной посуды, и этот звук отчетливо разнесся по тихой комнате.

Он взял кубки и обернулся к Шаню.

Тот всё так же стоял на прежнем месте. Лучи заходящего солнца пробивались сквозь оконное стекло, отбрасывая на него длинную полосу света, отчего его серебристые волосы и серый правый глаз казались ярко-алыми, словно пламя.

Выражение лица Шаня было куда спокойнее, чем ожидал Вэйиньсы, в нем даже читалось какое-то явное предвкушение. Вэйиньсы на мгновение замер, словно увидел самого себя в прошлом — того, кто только что купил этот дом и впервые почувствовал, что наконец обрел место, которое может назвать своим.

Вэйиньсы подошел и протянул один из кубков Шаню:

— Попробуйте.

Шань взял кубок. Его длинные чистые пальцы и пшеничный оттенок кожи составляли резкий контраст с бледными руками Вэйиньсы.

Он опустил взгляд на вино, с любопытством разглядывая его необычный цвет и аромат.

В непрозрачном глиняном кубке янтарная жидкость с кленовым сиропом сияла в лучах заката, напоминая то ли само вечернее солнце, то ли бескрайнее звездное небо. Это вызвало ассоциации с горным лесом ранней осенью, когда сквозь золотую и багряную листву смотришь ввысь, где звезды вот-вот сменяют закат, чтобы взглянуть на землю.

Шань невольно подумал, что, возможно, именно потому, что за пределами Священной земли такие прекрасные картины встречаются повсюду, Вэйиньсы и решил уйти.

Вэйиньсы не смотрел на учителя. Он поднял свой кубок и сделал большой глоток. Терпкая жидкость обожгла горло, проходя по пищеводу и вызывая сильное раздражение. Он отчетливо почувствовал, как алкоголь начинает действовать, заставляя напряженные нервы немного отпустить.

Шань, подражая ему, тоже сделал глоток. Однако он явно не привык к такой жгучей остроте: покалывание мгновенно распространилось по полости рта, язык онемел. Шань слегка нахмурился, но, не желая портить момент, медленно проглотил вино.

— Ну как? — Вэйиньсы смотрел на него. Голос его звучал ровно, но взгляд был острым, как у ястреба, пытающегося уловить малейшую перемену в лице гостя.

— ...Очень крепко, — оценил Шань и сделал еще один глоток. — Во рту будто горсть пчелиных жал, а в горле жжение, словно яда плотоядного растения напился. Тебе нравится такое?

Шань терпеть не мог боли.

Вэйиньсы ничего не ответил, лишь продолжал пить глоток за глотком. Шань молча составлял ему компанию, медленно цедя вино.

На столе лежали сухофрукты, давно потерявшие влагу. Хотя для закуски это выглядело довольно жалко, Вэйиньсы считал, что для человека, привыкшего к жизни дикаря, этого вполне достаточно.

Постепенно в комнате стихло всё, кроме звона кубков о стол и приглушенного ночного шума, доносившегося снаружи, из Горла Миража. Атмосфера стала странной: под внешним спокойствием скрывалось бурное, опасное течение.

<http://bllate.org/book/22458/2361944>